

39 глава ПОЕДИНОК ЯНКИ С РЫЦАРЯМИ

А снова дома, в Камелоте. Дня два спустя, за завтраком, на столе возле своей тарелки я нахожу только что отпечатанный, ещё влажный газетный лист. Начинаю прямо с объявлений, зная, что найду там что-нибудь, касающееся меня лично. Так и есть!

«По указу короля».

Доводится до всеобщего сведения, что великий лорд и прославленный рыцарь сэра Саграмор Желанный снисходит до поединка с королевским министром Хэнком Морганом, коего именуют Хозяином, в удовлетворение за старинную обиду; и поединок этот состоится близ Камелота, в десятом часу утра, в шестнадцатый день следующего месяца. Бой будет беспощадный, ввиду того, что названная обида была смертельной и примирения не допускающей».

Кларенс снабдил это извещение следующими редакционными комментариями:

«Как уже известно читателю, просмотревшему столбец объявлений, нам предстоит в ближайшее время быть свидетелями выдающегося турнира.

Имена артистов — ручательство, что скучно не будет. Касса открывается 13-го в полдень, входная плата 3 цента, место на скамейке 5 центов. Чистая прибыль поступает в больничный фонд. Будут присутствовать августейшие особы и важнейшие сановники. За исключением их, а также представителей прессы и духовенства, никто бесплатно пропущен не будет. Рекомендуем воздержаться от покупки билетов у спекулянтов — такие билеты при входе будут недействительны.

Все мы знаем и любим Хозяина, все мы знаем и любим сэра Саграмора, так придём же и поощрим обоих. Помните, что доход идёт на цель благотворительную, и притом в пользу учреждения, простирающего руку помощи равно ко всем страждущим, независимо от национальности, происхождения, общественного положения и цвета кожи, — единственная в мире благотворительность, не имеющая ни политической, ни религиозной подклад-

Мерлин снова вмешался, усмехаясь самой подлой своей усмешкой, злорадной и самодовольной.

— Хорошо сказано, верно сказано! И хватит разговоров, пусть милорд король подаст знак к бою.

Королю пришлось уступить. Протрубил рог, и мы снова разъехались. Мы стояли в ста ярдах друг от друга, глядя друг другу в лицо, оцепеневшие и недвижимые, словно конные статуи. Тишина; прошла минута, казавшаяся вечностью; никто не спускал с нас глаз, никто не шевельнулся. Король медлил; казалось, у него не хватает духу подать знак. Но вот он махнул рукой, и сразу звонко пропел рог. Длинный меч сэра Саграмора описал в воздухе сияющую дугу, и вот он, великолепный рыцарь, понёсся на меня. Я не двинулся. Он приближался. Я не шевельнулся. Зрители были так взволнованы, что кричали мне:

— Беги, беги! Спасайся! Это смерть!

Я не двинулся и на дюйм, пока этот громовержец не подскакал ко мне на пятнадцать шагов; тогда я выхватил револьвер из кобуры; гром, молния — и револьвер исчез в кобуре, прежде чем кто-либо сообразил, что случилось.

Конь без всадника пронёсся мимо, а на земле лежал сэр Саграмор, мёртвый, как камень.

Люди, подбежавшие к нему, онемели, убедившись, что он умер, и притом, по видимому, без всякой причины, потому что на теле его не было заметно никакой раны. Правда, в кольчуге его, на груди, была крохотная дырочка, но такому пустяку они не придали значения; так как при огнестрельной ране крови вытекает немного, то кровь осталась под одеждой и не протекла сквозь доспехи. Труп поволокли к королю, и вся знать разглядывала его. Естественно, все обалдели от изумления. Меня пригласили подъехать и объяснить чудо. Но я остался на месте, как статуя, и сказал:

— Если это приказ короля, я подъеду, но мой повелитель король знает, что я нахожусь там, где повелевают мне находиться законы о поединках, до тех пор, пока есть желающие сразиться со мною.

Я ждал. Желающих не было. Тогда я сказал:

— Если кто-нибудь из присутствующих сомневается в том, что бой был честный и победа заслуженная, я не жду от них вызова и сам вызываю их.

— Это доблестный вызов и достойный тебя, — сказал король. — Назови же имя того, с кем ты хочешь сразиться первым.

— Ни с кем в отдельности, я вызываю всех! Я стою здесь и вызываю на бой всё рыцарство Англии — не поодиночке, а всех вместе.

— Что? — воскликнули разом два десятка рыцарей.

— Вы слышали вызов. Принимайте его — или я назову вас малодушными трусами, всех до единого.

Как вам понятно, это был блеф. В такие мгновения вполне разумно дерзнуть и поднять ставку в сто раз выше, чем позволяют вам ваши возможности; сорок девять шансов против пятидесяти, что никто не осмелится сделать ход, и вы заберёте все фишки. Но на этот раз номер не прошёл! В одно мгновение пять сотен рыцарей вскочили в сёдла, и не успел я опомниться, как они уже стройными рядами, гремя оружием, неслись на меня. Я выхватил оба свои револьвера, взглядом измеряя расстояние и подсчитывая шансы.

Бац! — одно седло опустело. Бац! — другое тоже. Бац! бац! — и ещё двое ска-
тились на землю. Я знал, что жизнь моя висит на волоске: если и одиннадцатый
выстрел не убедит их в моей непобедимости, двенадцатый противник убьёт меня
наверняка. И я почувствовал себя счастливым, когда после падения девятого всад-
ника я заметил колебание в рядах врагов — признак приближающейся паники.
Если бы я упустил это мгновение, всё погибло бы. Но я не упустил его. Я поднял
оба револьвера и прицелился. Мои противники остановились, потом повернули
коней и бросились врассыпную.

Битва была выиграна. Странствующее рыцарство как учреждение погибло.
Началось шествие цивилизации. Что я чувствовал? Ну, этого вы и представить
себе не можете.

А брат Мерлин? Его ставка опять была бита. Всякий раз, когда волшебство
чернокнижия сталкивалось с волшебством науки, чернокнижное волшебство
терпело поражение.

40 глава ТРИ ГОДА СПУСТЯ

Нереломив хребет странствующему рыцарству, я больше не считал нуж-
ным работать втайне. На другой же день я показал изумлённому миру
свои засекреченные школы, свои рудники, свою обширную систему потаённых
фабрик и мастерских. Иными словами, я выставил девятнадцатый век напоказ
шестому.

Выгодное положение нужно использовать быстро. Рыцарство временно по-
вержено в прах, но чтобы не дать ему опомниться, надо его окончательно пара-
лизовать — иначе никак нельзя. Как вы видели, всё моё поведение на ратном поле
под конец было просто блефом; и они разгадают это, если я дам им возможность.
Итак, я не должен дать им опомниться. И я не дал.

Я возобновил свой вызов, выгравировал его на меди, отпечатал и разослал по-
всюду, где был хоть один священник, который мог прочесть его народу; без конца
печатал его в газете, в столбце объявлений.

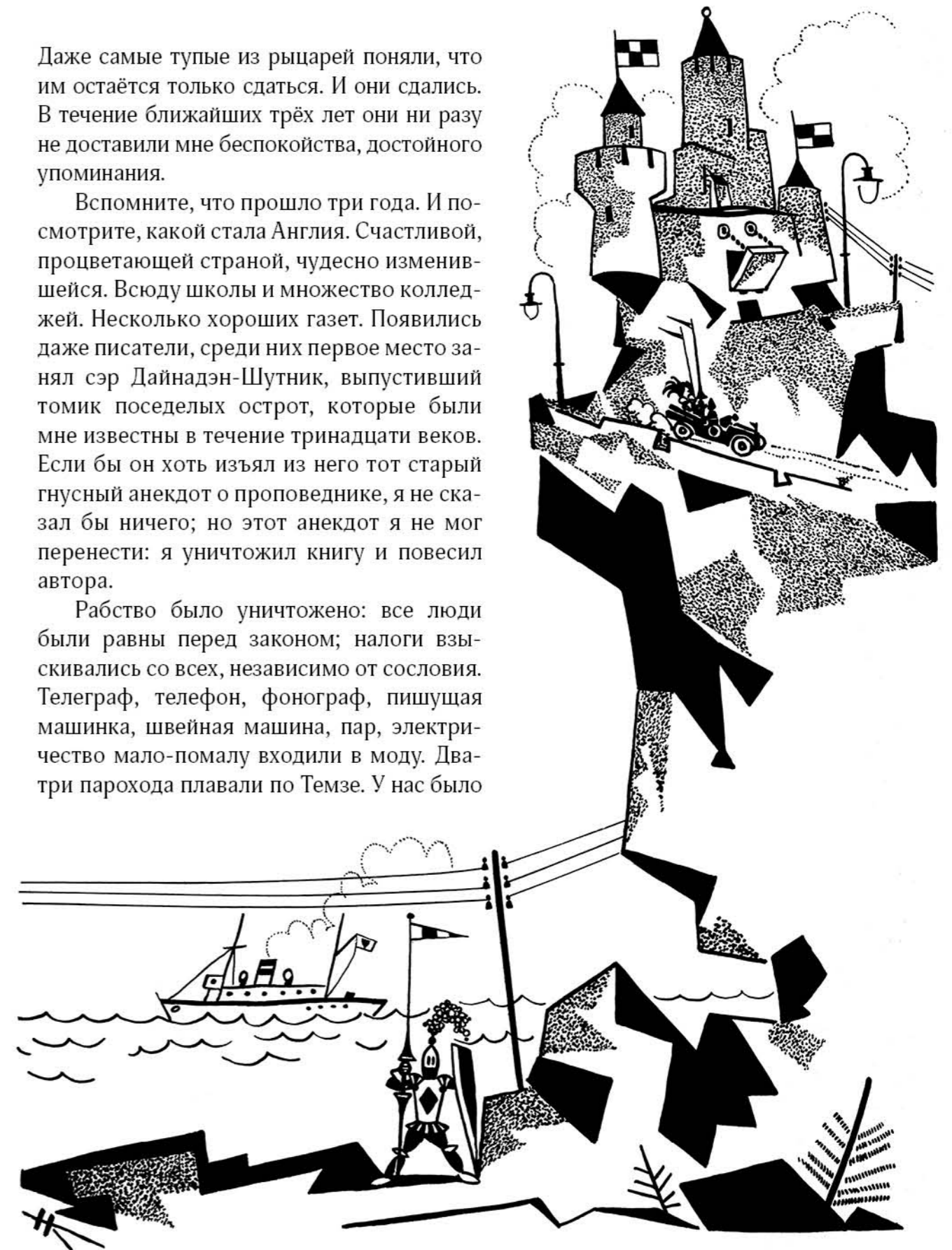
Я не только возобновил его, но и расширил. Я заявил: назначьте день, и я с пя-
тьюдесятью помощниками выйду на бой с рыцарями всего света и уничтожу их.

Теперь это не был блеф. Я собирался исполнить то, что говорил. Я мог испол-
нить то, что обещал. Смысл моего вызова был так ясен, что понять его мог всякий.

Даже самые тупые из рыцарей поняли, что им остаётся только сдаться. И они сдались.
В течение ближайших трёх лет они ни разу не доставили мне беспокойства, достойного
упоминания.

Вспомните, что прошло три года. И по-
смотрите, какой стала Англия. Счастливой,
процветающей страной, чудесно изменив-
шейся. Всюду школы и множество коллед-
жей. Несколько хороших газет. Появились
даже писатели, среди них первое место за-
нял сэр Дайнадэн-Шутник, выпустивший
томик поседелых острот, которые были
мне известны в течение тринадцати веков.
Если бы он хоть изъясил из него тот старый
гнусный анекдот о проповеднике, я не ска-
зал бы ничего; но этот анекдот я не мог
перенести: я уничтожил книгу и повесил
автора.

Рабство было уничтожено: все люди
были равны перед законом; налоги взы-
скивались со всех, независимо от сословия.
Телеграф, телефон, фонограф, пишущая
машинка, швейная машина, пар, электри-
чество мало-помалу входили в моду. Два-
три парохода плавали по Темзе. У нас было

лин — мисс Анджели Бохун и девы Элен Куртмэн; первая из этих двух была молоденькая чёрная свинка с белым пятном на лбу, а вторая — бурая, слегка прихрамывающая на переднюю правую ногу; обе меня совершенно замучили, столько я гонялся за ними. Недоставало также нескольких простых баронесс, и, признаться, их отсутствие несколько меня не огорчало; но нет, всю эту колбасную начинку нужно было найти; за ними послали слуг с факелами, приказав им обшарить леса и горы.

Разумеется, всё стадо поместили в доме. Господи, никогда я ничего подобного не видал! Никогда я ничего подобного не слышал! Никогда я ничего подобного не нюхал! Словно взбесился газовый счётчик.

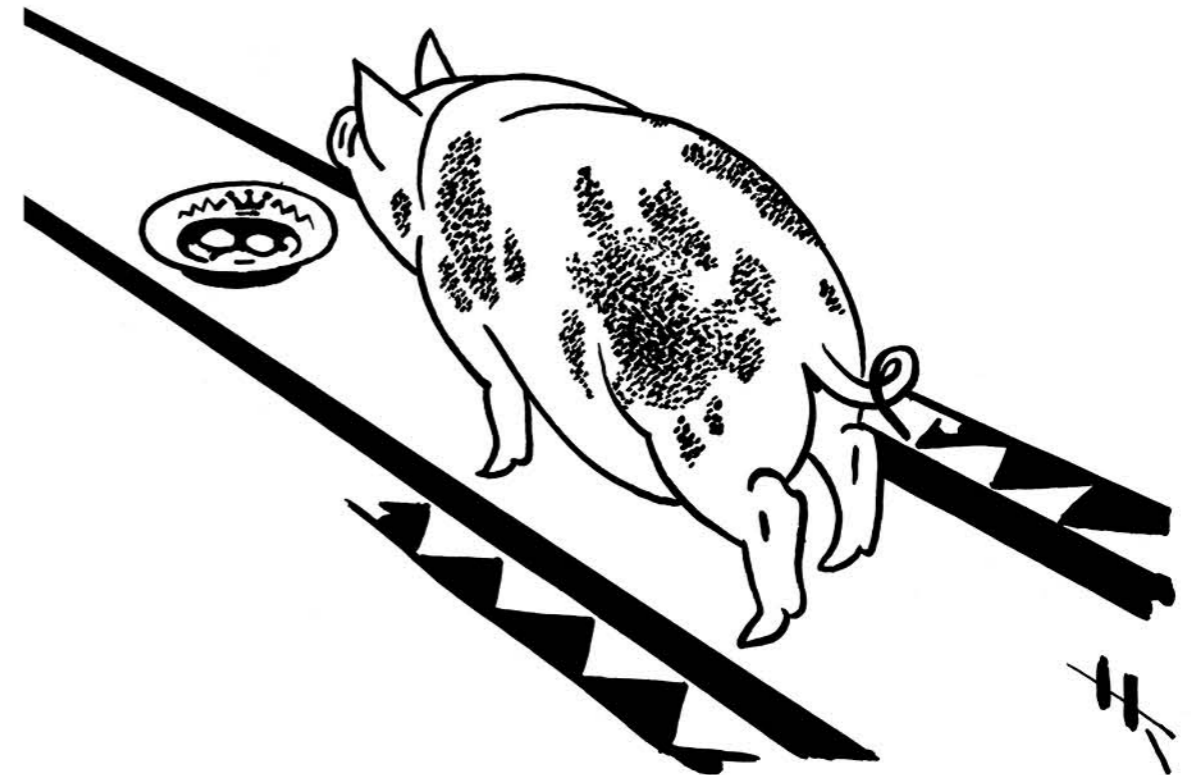

21 Глава ПАЛОМНИКИ

Наконец я добрался до постели! Я чувствовал себя несказанно утомлённым; как приятно, как сладостно было вытянуться, расправить затёкшие мышцы! Но этим всё и ограничилось — о том, чтобы уснуть, не могло быть и речи. Аристократки визжали и хрюкали во всех коридорах и залах, как сборище чертей, и мешали мне спать. Когда я не сплю, я, естественно, размышляю; и размышлял я главным образом о странном заблуждении Сэнди. Она, конечно, была вполне здорова; однако вела себя, с моей точки зрения, как сумасшедшая. Вот оно, могущество воспитания, внушения, обучения! Человека можно заставить поверить во всё что угодно. Я ставил себя на место Сэнди и убеждался, что она вовсе не сумасшедшая. Стань Сэнди на моё место, и она без труда поняла бы, как легко показаться сумасшедшим в глазах человека, которого учили и воспитывали иначе. Если бы я сказал Сэнди, что видел повозку, которая без всякого колдовства неслась со скоростью пятьдесят миль в час, что я видел человека, который, не будучи чародеем, садился в корзинку и летел за облака, что без помощи волшебства

я разговаривал с человеком, который находился от меня на расстоянии многих сотен миль, — она сразу пришла бы к непоколебимому убеждению, что я сумасшедший. Все вокруг неё верили в колдовство, никто в существовании колдовства не сомневался; жители королевства Артура так же не сомневались в возможности превратить замок в хлев, а его обитателей — в свиней, как жители Коннектикута не сомневаются в возможности говорить по телефону, — и в обоих случаях сомнение было бы неопровержимым доказательством сумасшествия. Да, я вынужден был признать, что Сэнди здорова. А чтобы Сэнди и меня считала здоровым, я должен держать свои сведения о действующих без помощи чар паровозах, воздушных шарах и телефонах при себе. Я, например, верил, что земля не плоская, что стоит она не на столбах, и что над ней нет балдахина, защищающего её от вод, которыми заполнено всё пространство над небом. Но так как во всём королевстве я был единственным человеком, придерживающимся таких нечестивых и преступных взглядов, я понимал, что мне следует о них помалкивать, если я не желаю, чтобы на меня показывали пальцем, как на помешанного.

Утром Сэнди собрала свиней в столовой и угостила их завтраком, причём сама им прислуживала с тем глубоким почтением, которое уроженцы её острова, древние и современные, всегда питают к людям знатного происхождения, независимо от их умственных и нравственных качеств. Меня тоже усадили бы вместе со свиньями, если бы моё происхождение соответствовало тому высокому положению, которое я занимал; но, как человек безродный, я вынужден был есть отдельно от

Когда меня подняли, я прогнал монахов и опустил в колодец рыболовную леску; глубина колодца оказалась равной ста пятидесяти футам, а вода держалась в нём сейчас на уровне сорока одного фута. Я позвал монаха и спросил:

- Какова глубина колодца?
- Не знаю, сэ, мне никто об этом не говорил.
- На каком уровне обычно стояла в нём вода?
- В течение всех этих двухсот лет вода стояла в нём недалеко от края; так говорит предание, унаследованное нами от наших предшественников.

Слова этого монаха подтвердили свидетели, более заслуживающие доверия: только двадцать или тридцать

футов цепи носили следы употребления, а вся остальная часть её была заржавлена и, видимо, никогда не опускалась в колодец. Каким образом в прошлый раз вода сначала исчезла, а потом появилась вновь? Несомненно, какой-то практичный человек спустился в колодец и заделал течь, а потом пришёл к настоятелю и заявил, что, если разрушат купальню, вода вернётся. А теперь снова образовалась течь, и эти простаки молились бы, и устраивали бы крестные ходы, и звонили бы в колокола, пока сами не высохли бы и ветер не развеял бы их на все четыре стороны, — и никому из них не пришло бы в голову спустить в колодец рыболовную леску или самому спуститься туда и исследовать, в чём собственно дело. Преодолеть укоренившиеся навыки мышления труднее всего на свете. Они передаются от поколения к поколению, как черты лица; и если у человека той эпохи появилась какая-нибудь мысль, которой не было у его предков, начинали подозревать, что он незаконнорождённый. Я сказал монаху:

— Трудное чудо — вернуть воду в сухой колодец, но мы попробуем его сотворить, если моего брата Мерлина постигнет неудача. Брат Мерлин — очень способный чародей, но его специальность — салонные фокусы, и здесь он может не добиться успеха; да, по всей вероятности, успеха он не добьётся. Но в этом нет ничего постыдного, ибо человек, способный творить такие чудеса, может открыть отель.

— Отель? Я как будто не слышал...

— Об отелях? Это то, что вы зовёте постоялым двором. Человек, который может сотворить такое чудо, управится и с постоялым двором. Это чудо мне по силам, я его сотворю; но не скрою от вас, что, для того чтобы сотворить это чудо, мне придётся напрячь все свои чародейские способности до крайней степени.

— Уж кому-кому, а нашей монастырской братии это известно, ибо предание гласит, что в тот раз восстановление источника оказалось настолько трудным, что потребовало целый год. Как бы то ни было, мы будем молиться Богу и просить у него для вас успеха.

С деловой точки зрения удачная это была мысль — распространить слух, будто сотворить такое чудо очень трудно. Иногда самые незначительные вещи приобретают огромное значение благодаря рекламе. Этот монах был потрясён трудностью того, что мне предстояло совершить, — он потрясёт этим других. Через два дня сострадание ко мне станет всеобщим.

В полдень, возвращаясь домой, я встретил Сэнди. Она только что была у отшельников. Я сказал:

— Я хочу сам на них посмотреть. Сегодня среда. У них бывают утренние спектакли?

— Извините, сэ, о чём вы говорите?

— Утренние спектакли. У них открыто днём?